

РАЗДЕЛ 2.

ПРОБЛЕМА ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

А.Н. Арлычев

Роль философии в духовном оздоровлении российского общества

С известного времени российское общество повсеместно охвачено болезнетворным вирусом бездуховности. В определенном смысле оно раскололось на две части. Одна его часть, так сказать, «элитная» прослойка, как бы по велению волшебной палочки разом устремилась к одной-единственной цели — правдами и неправдами добиваться материального комфорта, — но, при этом, совершенно забыв о таких ценностях, как творческое призвание человека, духовные радости, порожденные бескорыстным отношением людей друг к другу, о духовном единодушии в решении общезначимых общественных задач. Подавляющее большинство другой его части (а именно широких слоев трудящихся), оказавшись, мягко говоря, в положении материальной неустроенности, все силы направило на то, чтобы как-то физически выжить при создавшихся условиях, и тут, конечно, не до духовных ценностей. Спрашивается, что может сделать философия на пути оздоровления духовного климата России?

Для решения этой непростой задачи требуется, прежде всего, вскрыть глубинные причины, породившие повсеместную бездуховность не только в России, но, что наиболее важно, во всем цивилизованном мире, и здесь решающую роль должна сыграть именно философия. Если с некоторых пор в российском обществе наступила полоса глобальной бездуховности, то причину этому надо искать не в отдельно взятых экономических, социальных или политических процессах и даже не в их-

совокупности, а в осуществлении социальной сущности общественной жизни как таковой. И, стало быть, ответ на этот вопрос должен дать не экономист, не историк, не социолог, не политолог и, вообще, не представитель какой бы то ни было частной общественной или гуманитарной науки, а философ.

Эвристическая значимость философского подхода заключается, прежде всего, в глубине постижения сущности, которую можно достигнуть только при соответствующей широте охвата изучаемого явления. Так исследование проблемы бездуховности современного российского общества необходимо начать, как бы это ни показалось на первый взгляд чересчур абстрактным, с выяснения проблемы сущности человеческого бытия вообще. В ходе анализа мы неизбежно выйдем на важнейшую, давно поставленную в мировой философии антропологическую проблему — проблему отчуждения сущности человека. Оказывается, что человечество на протяжении почти всей своей истории живет в условиях либо полной, либо частичной отчужденности от подлинной человеческой сущности, при этом со временем степень отчуждения не уменьшается, а, наоборот, все более усиливается. Можно со всей уверенностью сказать, что в эпоху капитализма, особенно в его последней, современной, стадии, когда в масштабах всей планеты фактически реализовалось абсолютное господство финансового капитала, отчужденность человеческой сущности достигла своего апогея и, как следствие этого, вызвала всеобщую бездуховность человеческого существования во всем мире.

Сущность человеческого бытия, вероятнее всего, можно будет понять, исходя из бинарной природы человека, из того непреложного факта, что он одновременно является и биологическим, и социальным существом. В отличие от животных, у которых любое проявление их жизнедеятельности обусловлено исключительно биологическими факторами, человеческая жизнедеятельность, в какой бы форме она ни проявлялась, никогда не бывает только биологической или, напротив, только социальной, она всегда есть выражение отношения между биологическими и социальными сторонами в человеке. Поэтому раскрытие сущности человеческого бытия должно заключаться, прежде всего, в рассмотрении названного отношения. Но

прежде необходимо четко определить, что представляют собой, с одной стороны, биологическая, а с другой — социальная формы в человеческой жизнедеятельности?

Биологическая сторона жизнедеятельности любого человека по сути тождественна биологическому существованию животного. Она, по существу, сводится, во-первых, к тому, чтобы обеспечить физическое существование собственного организма, и, во-вторых, чтобы передать биологическую жизнь потомству, по возможности продлевая физическое существование рода. Однако способ реализации этой биологической жизнедеятельности у человека принципиально иной, чем у животных. Животное приспособливает свой организм к окружающей среде, человек же, наоборот, окружающую среду приспособливает к своему организму. Животное по способу существования существо адаптирующее, человек же — существо деятельное.

Любое конкретное животное, осуществляя свой характерный для данного вида способ приспособления к среде, вместе с тем непосредственно проявляет и свою биологическую сущность, т.е. специфическую природную способность жить в той форме, какова предначертана ему самой природой. Например, заяц приспособляется к среде по-заячьи, и это его заячье приспособление и есть собственно его заячья сущность. Конкретная форма приспособления животного является, стало быть, не чем иным, как непосредственно его природной сущностью, т.е. форма жизнедеятельности животного и его природная сущность совпадают. При этом следует отметить, что и форма жизнедеятельности, и сущность животного как по происхождению, так и по своей природе носят сугубо биологический характер.

Не так все просто у человека. Форма его жизнедеятельности и его человеческая сущность далеко не всегда совпадают. Этот вопрос требует специального рассмотрения. Попытаемся хотя бы схематически очертить названную проблему.

Форма жизнедеятельности человека является проявлением не биологического, а социального, так как она выражает не биологический, а социальный способ существования. Форма жизнедеятельности человека — это по существу не что иное, как форма человеческой деятельности, которая и по происхождению, и по своей природе не имеет прямого отно-

шения к биологическому, она непосредственно является социальным феноменом. В этой связи встает вопрос, как, каким образом форма человеческой деятельности, будучи феноменом социальным, соотносится с биологической стороной человеческой жизнедеятельности? У животных как сугубо биологических существ этой проблемы в принципе не может быть, у человека же как биосоциального существа она не только существует, но и составляет, по всей видимости, суть всех остальных его проблем.

При подлинном человеческом существовании форма жизнедеятельности человека (в данном случае форма человеческой деятельности) должна, как и у животных, совпадать с проявлением его собственно человеческой сущности или, говоря по-другому, форма деятельности человека должна быть одновременно выражением его человеческой сущности. Однако, чтобы форма деятельности была действительно выражением сущности того человека, который ее осуществляет, необходимо, чтобы она была свободной сознательной деятельностью этого человека. Она должна быть проявлением внутреннего самовыражения физических и духовных потенций человеческой личности и в силу этого определяющей жизненной потребностью существования человека и именно поэтому выражением его подлинной человеческой сущности.

Между тем если под этим углом зрения посмотреть на реальную жизнедеятельность людей, как она протекала на протяжении всей истории и продолжает протекать теперь, то увидим, что в большинстве случаев она не соответствует критериям свободной сознательной деятельности человека. Напротив, она представляет собой нечто противоположное ей. Чтобы быть свободной, она должна быть, по крайней мере, добровольной, а в действительности часто бывает принудительной; вместо того, чтобы быть определяющей потребностью человека, она чаще всего бывает ему обузой и служит лишь средством для удовлетворения каких-либо других его потребностей. Эта противоположная свободному сознательному проявлению внутренних потенций человеческих качеств деятельность является не чем иным, как отчужденной деятельностью человека. Будучи отчужденной от человека, она тем не менее образует его со-

циальную сущность, которая, как и сама деятельность, является ему чуждой, а значит, как и сама деятельность, социальная сущность является для человека отчужденной.

Однако человек, находящийся в условиях отчужденной деятельности, вообще лишен не всякой сущности, а лишь присущей сугубо человеческому бытию собственно социальной сущности. Но, как мы знаем, человек не просто социальное, а социально-биологическое существо, и потому его жизнь связана также с отправлением всех тех биологических функций, которые определяют сущность физического существования его организма. Отсюда, естественно, человеческая жизнь, лишенная собственно социальной сущности, с необходимостью переключается если не полностью, то в основном в сферу биологического процесса. Для такого человека смыслом жизни часто становятся такие необходимо жизненные атрибуты, как пища, одежда, жилье, половая жизнь и т.д., короче, все то, что удовлетворяет человеческий организм. Обладание подобными благами составляет в данном случае сущность человеческого бытия, а весь комплекс отчужденной деятельности, связанный с их достижением, служит лишь социальным средством для осуществления этой сущности. Биологическое тем самым становится конечной целью жизнедеятельности человека, а социальное выступает в качестве необходимого средства ее реализации. Сущностное бытие человека фактически превращается если не полностью в животное существование, то, по крайней мере, в его подобие.

Жизненное предназначение живого организма — это обеспечение устойчивости своего субстрата, жизненное же предназначение человека — это обеспечение устойчивости своей социальной жизнедеятельности. В этом смысле человек противоположен животному, ибо он пользуется своим биологическим субстратом для достижения стабильной жизнедеятельности; животное же, наоборот, жизнедеятельность использует для получения стабильного субстрата; для человека цель жизни — его жизнедеятельность, а субстрат — средство жизни, для животного, наоборот, цель жизни — субстрат, жизнедеятельность — средство жизни. И если в человеческом обществе для многих людей соотношение цели и средства такое же, как у животных,

то это говорит лишь о несовершенстве человеческой жизни и о том, что общество пока еще не достигло уровня обеспечения человеку подлинно человеческого существования. Подобное общество имеет только одно преимущество перед животным миром: оно более изощренными способами обеспечивает стабилизацию человеческих субстратов и, конечно же, не всех людей одинаково, в основном оно направлено на реализацию потребностей представителей так называемой привилегированной прослойки.

В связи с этим возникает вопрос, при каких общественных условиях человеческая деятельность является по сути чуждой человеку и служит лишь средством его существования и соответственно он лишен своей социальной сущности, и что требуется для того, чтобы человек, наконец-то, эту социальную сущность приобрел?

Из всех видов деятельности ее изначальным, основополагающим и определяющим видом на протяжении всей истории человечества, безусловно, является трудовая деятельность, особенно та ее форма, которая непосредственно направлена на производство материальных благ, необходимых для поддержания физического существования человека. Поэтому вопрос о возникновении отчужденной деятельности, а вместе с тем и о появлении отчуждения социальной сущности человека предстает перед нами в первую очередь как вопрос о происхождении и развитии отчужденного труда.

На начальной стадии развития человечества (ее обычно называют периодом дикости) основным средством существования были охота и собирательство. Между тем продукта, который они доставляли, едва хватало для поддержания физического существования первобытной общины. Естественно, что при таком производстве не могло быть никаких излишков или, говоря экономическим языком, никакого прибавочного продукта. Все, что доставляли охота и собирательство, тут же и потреблялось, т.е. продукт, производимый дикарем, носил исключительно необходимый характер; такой же характер носил и сам труд дикаря. Но именно в силу исключительности необходимого труда или при полном отсутствии прибавочного труда этот труд не был отчужденным. Он был если не в полной мере со-

знательной, то во всяком случае свободной деятельностью. Труд дикаря в этом отношении ничем не отличался от приспособительного поведения животных. Точно так же, как животное сливается со своим способом жизнедеятельности, так и человек-дикарь сливался с процессом трудовой деятельности; его человеческая сущность, таким образом, полностью совпадала с его трудовой деятельностью. Если исходить из того, что отчужденный труд для человека зло, а свободный труд, наоборот, благо, то правы те философы, которые утверждали, что в далекой древности существовал так называемый «золотой» век. В этом утверждении, безусловно, есть доля истины. Дикий человек просто жил как истинное дитя природы и именно в этом заключался его смысл жизни.

Однако из этого вовсе не следует, что современному человечеству необходимо вернуться в то первобытное состояние. К первобытному состоянию человечеству так же нельзя вернуться, как нельзя вернуться взрослому человеку в детство. Подобная идея — верх утопичности, и, несмотря на это, такого рода утопии не раз выдвигались и до сих пор появляются в той или иной форме. К этому, в частности, в Древней Греции призывала философская школа киников во главе с Диогеном; в XVIII в. такие идеи выдвигал Ж.Ж.Руссо. А разве в 60-е годы прошлого столетия такое молодежное движение на Западе, как хиппи, не являлось стихийной ностальгией по дикому состоянию человеческого бытия? Это только еще раз доказывает, что отсутствие отчужденной деятельности даже в том диком неразвитом обществе было большим благом для человека. Но, вступив на путь социального развития, человек с необходимостью должен был потерять это благо и, конечно же, потерял, причем на неопоримо длительное время.

Отчужденный труд возник на следующей стадии развития человечества — в эпоху варварства, когда основными видами труда становятся скотоводство и земледелие, которые по существу являются первоначальными формами собственно материального производства. Именно в эту эпоху возникает такой новый общественный феномен, как собственность на скот и землю. В качестве основного субъекта собственности выступает родовая община, из которой позже вырастает племя, а затем и

союз племен. Известно, что в зависимости от характера основного вида труда племена делились на два типа: скотоводческие (кочевые) и земледельческие (оседлые); были и смешанные. Наличие племен, разнохарактерных по производству основного продукта, привело к возникновению обмена и товарного производства. Все это вместе обусловило появление прибавочного продукта. Непосредственной причиной его возникновения явились новые по сравнению с предшествующим периодом виды труда — скотоводство и земледелие, которые вызвали к жизни прибавочный продукт еще, по-видимому, до того, как возникли обмен и товарное производство, ибо они сами стали следствием существования прибавочного продукта в достаточно больших количествах. Однако после того как обмен и товарное производство закрепились в жизни общины, они существенно способствовали дальнейшему экономическому росту прибавочного продукта.

Возникновение прибавочного продукта, а затем процесс его накопления и есть те общественные факторы, которые непосредственно породили отчужденный труд. Ведь прибавочный продукт производится не для того, чтобы его непосредственно потреблять, а для того, чтобы накапливать производимые блага, чтобы если не обогатиться, то, по крайней мере, иметь запас потребляемых благ на будущее. В этих условиях прямой целью производства является не удовлетворение тех или иных жизненных потребностей человека, а потребность в приобретении материальных благ. Жизненные потребности человека как бы отодвигаются на второй план, а на первый план выдвигается потребность человека обладать материальным благом как полезной вещью. Обладание полезной вещью приобретает для человека абсолютное значение, оно становится для него главным смыслом жизни. Процесс же труда из способа обеспечения жизнедеятельности человека превращается в средство добывания как можно большего количества полезных вещей. Если для дикаря труд был одновременно и средством, и смыслом жизни, то для варвара смыслом жизни становится произведенная вещь, а сам процесс производства выступает лишь средством добывания вещи. Более того, вещь становится важнее самого человека, ибо здесь уже не вещь служит человеку, а, на-

оборот, человек — вещи. Для дикаря смыслом жизни была сама жизнь, а для варвара куда важнее обладать вещью, чем просто жить; для того, чтобы обладать вещью, он способен пожертвовать даже собственной жизнью; жертвуя своей жизнью, губит жизни многих других людей. Человеку кажется, что он как будто бы ради жизни борется за вещь, а на самом деле он ради вещи уничтожает собственную жизнь и жизни других людей.

Обобщая сказанное, можно однозначно заключить: вещиизм — вот истинный источник порождения и существования отчужденного труда, шире отчужденной человеческой деятельности как таковой, а вместе с тем и отчуждения подлинной человеческой сущности. Изначальные же истоки вещиизма заключены не в сознании человека, как принято иногда считать, а в условиях производства прибавочного продукта. Вещиизм — это жизнь человека, подчиненная вещи и не потому, что таково сознание у человека, а прежде всего потому, что таковы условия его материальной жизни. Человек мыслит по-обывательски (повещистски) главным образом потому, что он живет в условиях обывательщины (вещиизма), а не наоборот. Так как он живет ради вещей, то и его мыслью управляет вещь, человек в итоге становится рабом вещей и в жизни, и в мыслях; именно это и характеризует отчужденность человеческой жизни, деятельности и мысли.

Варварство, таким образом, покончило с «золотым» веком периода дикости и на необозримое время ввергло человечество в полосу отчужденной деятельности и отчуждения социальной сущности. Стремление как можно больше иметь вещей заставляет человека трудиться изо всех сил, и это в конечном счете приводит к тому, что сам человек труда превращается в вещь. С превращением человека труда в вещь наступает новая эпоха, которую обычно называют эпохой цивилизации.

Интенсивное накопление прибавочного продукта рано или поздно приводит к разложению родовой общины: происходит стихийный процесс образования имущественного неравенства, который внутри общины порождает размежевание между ее членами. В результате собственность, которая раньше принадлежала всей общине, сосредоточивается в руках отдельных частных лиц. На смену коллективной собственности пришла

собственность частно-индивидуальная. Но она распределялась с самого начала не равномерно, а так, что львиная доля досталась небольшой горстке бывших общинников, а подавляющее большинство ее членов попала в разряд средних, мелких, а то и вообще никаких собственников. С этого времени начинается совершенно новая жизнь, которая вызывает много новых общественных институтов, изменяет характер труда и т.д. Но самое главное — один человек попадает в экономическую зависимость к другому человеку, в итоге общество раскололось на два противоположных класса: эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и рабов, угнетателей и угнетенных. В этих условиях отчужденный труд не только не исчез, но приобрел много новых черт, и появились самые разнообразные формы отчуждения.

Если в эпоху варварства для всех без исключения людей отчужденный труд выражался в одной-единственной форме — форме вещиизма, то в эпоху цивилизации эта форма сохраняется только за представителями имущих классов, т.е. классов собственников. К ним относятся крупные и средние собственники, а точнее те, которые подвергают эксплуатации чужой труд, и, кроме того, мелкие собственники, производство которых основано на собственном труде. Между тем вещиизм в условиях эксплуатации приобрел новые черты. В том виде, как он проявлялся у варваров, сохраняется только у мелких собственников, ибо они так же, как и варвары, собственным трудом стремятся произвести как можно больше вещей и именно в этом усматривают основной смысл жизни. Что касается собственника-эксплуататора, то его вещиизм существенно отличается от вещиизма варвара. Он тоже стремится к тому, чтобы иметь как можно больше вещей, но в отличие от варвара и мелкого собственника не средствами собственного труда, а путем эксплуатации других людей. У него возникает весьма оригинальная форма отчужденного труда: он отчужден от труда просто потому, что сам непосредственно не производит материальных ценностей, но зато пользуется для этого другим человеком как живой вещью. Он становится собственником чужого производительного труда, но этот чужой труд для него самого уже не труд, а своего рода вещь, которая ему принадлежит так же, как и любая другая вещь, и он может ею распоряжаться, как и любой другой вещью.

Носителем же труда как специфической вещи является представитель того многочисленного класса, который лишен всякой собственности и который в цивилизованном обществе несет тяжелую ношу подневольного труда по производству жизненно необходимых материальных благ. Его труд является не просто отчужденным, а отчужденным в форме антагонизма, ибо он по своей сути носит подневольный характер, а его носитель функционирует в обществе не столько как человек, сколько как вещь, обеспечивающая жизнь другому человеку. Если в условиях вещизма человек становится рабом вещи, то в условиях подневольного труда сам человек превращается в вещь, а его отношение к собственнику его труда является отношением вещи к своему хозяину. Человек, превратившийся в вещь, отличается от остальных вещей только по форме проявления. Это понимал уже Аристотель, когда сравнивал древнего раба с рабочим скотом и искусственными орудиями труда. С точки зрения Аристотеля, они все трое по своей сути являются всего лишь орудиями труда, но только искусственное орудие — это мертвое орудие, рабочий скот — движущее орудие, а раб — говорящее орудие. Когда приводят это высказывание Аристотеля, то почему-то считают, что это якобы относится только к древнему рабу. В действительности же, может быть только в несколько меньшей степени, это относится и к крепостному крестьянину, и к наемному рабочему; не случайно, например, К.Маркс часто называл наемного рабочего капиталистического предприятия наемным рабом, а капиталистическую эксплуатацию — наемным рабством. Такого рода труд есть выражение еще одной формы отчужденного труда, но это уже не вещизм, а наряду с ним другая основная форма отчуждения, которую можно обозначить как принудительный труд, который для своего носителя выполняет жизненно важную функцию — обеспечивает его физическое существование.

В эпоху цивилизации кардинальные изменения отчужденного труда происходят не только в направлении модификации вещизма или появления такой новой формы отчуждения, как принудительный труд, но, самое главное, наметилась объективная тенденция преодоления социальной отчужденности как таковой и зарождения свободной сознательной деятельности

человека. Исходным основанием для этой тенденции послужило разделение умственного и физического труда. После того, как производительный труд по производству материальных благ превратился в принудительный труд эксплуатируемых классов, он в основном стал их прерогативой. В то же время цивилизация породила целый комплекс свойственных только ей видов труда, так сказать, умственного характера, напрямую не связанных с материальным производством, но без которых она не смогла бы существовать. Сюда относятся самые различные виды деятельности, включая общественно-политическую, управленческую, художественную, научную и т.д. и т.п. Освобожденный от производительного труда класс собственников фактически монополизировал всю эту сферу деятельности отчасти по причине жизненной необходимости, а отчасти потому, что она, в отличие от физического труда, не является изнурительной и самое главное — приносит человеку помимо всего прочего духовное удовлетворение. Именно духовная сущность, нашедшая свое проявление в умственном труде, как раз и является тем, что ставит общество перед испытанием: сможет ли оно продемонстрировать свою способность преодолеть все виды отчуждения и выйти на широкие просторы подлинного человеческого существования, или, наоборот, эта задача для него невыполнима.

Духовность составляет неотъемлемую черту человеческой деятельности как таковой. Деятельность в общем виде может быть определена как процесс взаимодействия между субъектом (отдельным человеком или каким-нибудь человеческим сообществом) и объектом (любым каким-либо предметом или явлением действительности), заключающийся в целенаправленном преобразовании тех или иных конкретных форм бытия. Из этого определения вытекает, что необходимым условием человеческой деятельности является целенаправленность преобразовательного процесса. Надо сказать, что целевой характер носит не только деятельность человека, но также и поведение животных и, более того, и у человека, и у животных в качестве цели выступает, выражаясь языком кибернетики, информационная программа. Однако природа этих программ у них принципиально разная. Поведение животного, каким бы сложным по структуре оно ни было, в конечном счете всегда обуслови-

вается уже готовой биологической программой — генотипом. Целевая направленность тем самым осуществляется у него по имеющемуся в его распоряжении информационному шаблону. Для реализации же человеческой деятельности такого изначально заданного информационного шаблона нет. Информационные программы, которые призваны предварять деятельный процесс, формируются человеком в ходе протекания самого этого процесса. Иначе говоря, человеческая деятельность в отличие от поведения животных является двусторонним процессом: с одной стороны, она включает акт создания информационной программы по осуществлению практического действия, с другой — непосредственно само практическое действие, сознательно направляемое человеком на основе созданной им информационной программы. Акт по созданию информационных программ и их целевая предваряющая роль в практических действиях есть ни что иное, как идеальная сторона человеческой деятельности. Отличительной чертой этой стороны является то, что она по своей сути носит произвольно конструктивный характер, и в этом смысле она есть ни что иное, как выражение собственно творческого начала в деятельном процессе. При этом важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о произвольной конструктивности, ибо непроизвольная конструктивность, обусловленная, например, генотипом, наблюдается у многих животных (например, бобры строят плотины, птицы выют гнезда и т.д.), но она к творчеству никакого отношения не имеет. Творчество, таким образом, составляет необходимый внутренний компонент человеческой деятельности, причем относящийся непосредственно к ее идеальной стороне.

Между тем реализация творчества требует от человека соответствующих интеллектуальных и эмоциональных действий. Сами по себе интеллектуальные и эмоциональные действия имеют место у высших животных и обеспечивают им целесообразный способ поведения во взаимодействии с внешней средой. У человека же они направлены на осуществление творческого процесса, в связи с чем приобретают характерную для последнего специфическую форму. Интеллектуальные действия у человека — это ни что иное, как проявление его разума, выра-

женное в способности мышления совершать информационные операции в свободной (произвольной) конструктивной форме. А эмоциональные действия — это проявление человеческой воли как произвольное выражение его внутренних психических побуждений и переживаний¹. И для разума, и для воли характерна произвольность: для разума произвольность мышления, для воли произвольность названных психических феноменов. Непроизвольное мышление, а также непроизвольные психические побуждения и переживания, наблюдающиеся в животном мире, а иногда проявляющиеся и у человека, не имеют отношения ни к разуму, ни к воле. Разум и воля — это по существу то, что составляет духовную основу творческого начала у человека, поскольку именно они являются собственно выражением его духовной сущности. В той мере, в какой они доставляют человеку удовлетворение или даже радость и наслаждение, они превращаются для него в духовную ценность. Если разумные и волевые действия, направленные на реализацию того или иного конкретного вида деятельности, становятся необходимой потребностью человека, последний их расценивает как высшее благо и главный смысл своей жизни. Тем самым он сливается со своей духовной сущностью и фактически реализует подлинное человеческое бытие.

Все без исключения формы деятельности, включая трудовую деятельность (в том числе и физический труд), с неизбежностью предполагают участие разума и воли, и это, безусловно, указывает на наличие у любого вида деятельности духовного компонента. Это означает, что любой человек, будучи по своей природе деятельным существом, фактически является носителем духовного начала, имеющего для него принципиальное значение и потому выступающего в качестве одной из важнейших его жизненных ценностей. Уникальность этой ценности состоит в том, что она — единственная из всех возможных у человека ценностей, являющаяся непосредственно проявлением его духовности. Поэтому в зависимости от того, какое место разум и воля занимают в системе ценностей того или иного конкретного человека, можно судить об уровне его духовности и той роли, которую она играет в его жизни. Это в свою очередь зависит от характера отношения духовной ценности ко всем другим, разнообразным, но в целом, так сказать, недуховным,

ценностям. В человеческом существовании принципиальное значение имеют два диаметрально противоположных типа отношений: либо духовная ценность выступает в качестве определяющей цели существования, а все остальные исполняют роль средства для ее достижения, либо, наоборот: она играет роль средства для достижения цели какой-либо одной или нескольких разнородных недуховных ценностей. Существование, определяемое духовной ценностью, является не чем иным, как проявлением непосредственно человеческой сущности; существование же, направленное на реализацию недуховных ценностей, отчуждает человеческую сущность и подменяет ее неким суррогатом. Иначе говоря, духовное существование человека сливается с его духовной сущностью, и тем самым он обретает подлинное человеческое существование, недуховное же существование отчуждает духовную сущность и одновременно порождает сущность недуховную, при которой человеческая жизнь становится отчужденной. В соответствии с этим необходимо различать два типа деятельности: свободную (неотчужденную) деятельность и отчужденную деятельность.

В зависимости от типа деятельности человеческая жизнедеятельность, таким образом, может быть осуществимой в двух диаметрально противоположных формах. Либо в форме свободной деятельности, когда ее духовное начало (разум и воля человека), не обусловленное никакими внешними факторами, является самодовлеющей, самоценной сущностью в проявлении человеческого бытия; либо, наоборот: в форме отчужденной деятельности, когда ее духовное начало служит лишь необходимым средством для достижения каких-то других ценностей, которые и определяют сущностный аспект жизни человека. В эпоху цивилизации свободная деятельность превращается в отчужденную форму как под действием объективных факторов, так и субъективных. Так появление принудительного физического труда было вызвано объективным процессом разложения родовой общины, а различные формы отчуждения умственного труда вызываются, как правило, такими субъективными устремлениями человека, как корысть, престиж, карьера и т.п., которые являются не чем иным, как субъективным выражением проявления различных форм вещиизма.

Между тем и объективные, и субъективные факторы отчуждения являются следствием порождения соответствующих социальных условий общественной жизни. Сами же эти условия определяются двумя взаимосвязанными векторами общественного устройства: прежде всего, социально-экономическим укладом и, кроме того, вектором культуры. Эти векторы в конечном счете определяют все стороны общественной жизни, в том числе и те, которые обуславливают наибольшую значимость одних и умаляют или придают забвению другие человеческие ценности. Так, например, история цивилизации продемонстрировала, по крайней мере, три основных социально-экономических уклада — рабовладение, феодализм и капитализм, — которые далеко не идентичны в отношении к ценностным ориентациям. Конечно, набор ценностей и их общий характер у них примерно один и тот же, кроме того, во всех трех укладах имеют место оба типа отчуждения — принудительный труд и вещизм, а также ни в одном из укладов духовная ценность не стала определяющей. Но в то же время каждый уклад выделяет в качестве главной, основополагающей только для него характерную ценность; по-разному в них функционирует принудительный труд, и вещизм у них тоже проявляется по-разному, играет различную роль в жизни общества. Так для рабовладельческого общества главной ценностью была личная свобода, затем — родовая знатность, и только потом — материальное богатство; для феодализма на передний план выступает родовая знатность и на втором месте богатство; при капитализме же материальное богатство постепенно вытесняет все другие ценности, а на его последней стадии — на стадии абсолютного господства финансового капитала — богатство, персонифицируясь во всеобщий эквивалент (деньги), превратилось чуть ли не в единственную жизненно необходимую ценность.

Отношение общества к духовным ценностям на протяжении всей истории цивилизации тоже не являлось однозначным. Оно изменялось, иногда весьма существенно, либо в сторону усиления, либо, наоборот, в сторону ослабления; причем в разные исторические эпохи одни виды духовности усиливались, а другие, наоборот, ослабевали. Так в условиях рабовладельческого уклада духовные ценности получили наибольшее призна-

ние в Древней Греции, и это, как известно, послужило мощным толчком для всестороннего развития духовной культуры на всем европейском континенте. В Средние века при господстве феодального уклада и идейной монополии церкви духовность была отождествлена с религиозностью, и из всех видов духовных ценностей по-настоящему признавалась только одна религиозная ценность; все остальные — если и признавались, то только в рамках религии. В переходный период от феодализма к капитализму (эпоха Возрождения) происходит отмежевание духовных ценностей от религии, и общество начинает придавать должное значение самым различным видам духовности. А такой вид духовной деятельности, как художественное творчество, достигает в это время наивысшего расцвета. В эпоху так называемого классического капитализма, начиная с XVII в., духовные ценности в жизни общества становятся все более и более значимыми, и в XIX в. их значимость, можно сказать, достигла пика, о чем красноречиво свидетельствует небывалый подъем в этот период всей духовной культуры. Однако в начале XX в. в капиталистическом мире наметился резкий спад духовного развития, который в итоге довольно быстрыми темпами приводит общество, прямо скажем, к повсеместной и глобальной бездуховности.

Факт всепоглощающей бездуховности в капиталистическом мире XX в. не мог быть не замечен; он, в частности, лег в основу философской рефлексии философов-экзистенциалистов, пытающихся понять его причину. Этой проблеме в основном посвящены труды немецкого философа М.Хайдеггера, который стремился ее решить посредством сопоставления якобы существующих, по его мнению, двух диаметрально противоположных способов человеческого мышления: предметного и бытийного, — из которых первое имеет дело с сущим, второе — с бытием. Под предметным мышлением он понимает не что иное, как логически определенное мышление, способное схватывать систему связей и отношений (т.е. структуру), существующую в мире, бытийное же мышление схватывает неопределенный процессуальный аспект (собственно экзистенцию) мира. Первое, с его точки зрения, касается лишь внешней, поверхностной стороны мира, второе же постигает непосредственно саму его сущ-

ность. Однако, начиная еще с античного времени (Парменид, Платон, Аристотель и т.д.), бытийное мышление настойчиво и последовательно вытеснялось из общества предметным мышлением, пока, наконец, оно не было полностью вытеснено в XVII в. Решающую роль на заключительном этапе, как считает Хайдеггер, сыграл французский философ-рационалист и математик Р.Декарт, который заложил основы классической науки. На базе науки был заложен фундамент, а затем построено само здание современной технической цивилизации. А так как предметное мышление совершенно не затрагивает сущности мира вообще, включая бытийную сущность самого человека, то человеческое существование, заключающееся в мышлении, оказалось полностью отчужденным от своей сущности и по сути дела стало бездуховным. Выход из создавшегося положения очень прост: человечеству необходимо во что бы то ни стало вернуться к бытийному мышлению и сделать его главным смыслом своей жизни. Только вот как это сделать, Хайдеггер определенного ответа не дает.

Любимый афоризм Хайдеггера: «Как человек мыслит, так он и живет!» — имеет, конечно, определенный смысл. Однако в решении проблемы бездуховности человеческого бытия он, как нам представляется, мало эффективен. Ядро этой проблемы заключается не в способе мышления (хотя полностью его нельзя отбрасывать), а в системе человеческих ценностей и, прежде всего, в функционировании той ценности, которая играет решающую роль в жизни того или иного конкретного общества. А ее решение надо искать не в бытийном мышлении (которого нет, ибо это всего лишь метафора, придуманная Хайдеггером), а на пути создания такого общества, в котором основополагающей ценностью стала бы духовная ценность.

К сожалению, в настоящее время человечество живет, как никогда, в условиях почти полной отчужденности и бездуховности. Объясняется это тем, что с начала XX в., т.е. с того момента, когда финансовый капитал начал поглощать и в итоге поглотил всю общественную жизнь, определяющим фактором в жизни отдельных людей и в функционировании всех без исключения государственных, общественных и культурных институтов становится стяжательство. Корыстный

интерес, стремление к наживе, к обогащению и другие характерные признаки стяжательства со все нарастающей силой окутывают цивилизацию на протяжении всей ее истории и, наконец, в XX в. при господстве финансового капитала они становятся главной уже не просто потребностью, а всепоглощающей страстью подавляющего большинства людей, а также определяющей стратегией деятельности государственной, социальной, экономической и культурной. Две мировые войны этого столетия — самые жестокие, циничные и невероятно бесчеловечные за всю историю цивилизации — явились чудовищным следствием подобной страсти. Но вместе с тем эта же самая страсть сыграла далеко не последнюю роль в осуществлении невиданного ранее гигантского технического прогресса, и здесь, как это не покажется странным, стяжательство проявило себя с положительной стороны. Однако из всех видов духовных ценностей в этот период оказались востребованными в основном только естественнонаучное и техническое творчество. Во многих других видах деятельности, особенно в художественной сфере, духовность быстро и очень заметно теряет свои позиции. В искусстве, например, под видом творчества выдаются суррогатные бездуховные подделки, преследующие только одну цель — наживу. Или, скажем, научная деятельность все в большей степени сводится к так называемым грантам, основная цель которых заключается не в реализации и развитии творческих потенций ученого, а в использовании его какой-нибудь коммерческой структурой в качестве интеллектуального пособника своего бизнеса.

Что касается России, то она с октября 1917 г. до начала 1990-х гг. жила особой специфической и весьма далекой от капиталистических стран жизнью. Она в это время фактически пыталась вступить на путь практического преодоления отчужденности человеческой сущности, а значит, и бездуховного существования. Но, как мы теперь хорошо знаем, из этого кое-что, конечно, получилось, но очень и очень немного, а в целом проблема не разрешилась, и прежде всего по причине внутренних социально-экономических и политических условий, которые в принципе исключали ее разрешение².

Общественный строй, который был создан в России и обозначен в 1936 г. И. Сталиным и его соратниками как социализм, на самом деле оказался, по определению К. Маркса, предвидевшего подобное общество, казарменным коммунизмом. Его суть свелась к тому, что все стороны общественной жизни — политика, идеология, экономика, социальная сфера, культура вплоть до личной жизни каждого отдельного человека — оказались под жестким контролем монолитной централизованной власти гигантской бюрократической машины, управляемой небольшой горсткой людей (членов Политбюро или Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии) во главе со своим лидером (Первым или Генеральным секретарем этой партии). Интересы, потребности и идейные устремления этой машины, а также установленный ею, так сказать, железный порядок стали главным, причем непререкаемым, смыслом жизни всего общества. В этих условиях человеческий разум и воля фактически были скованы и могли себя выражать только в рамках дозволенного и необходимого для решения тех задач, которые ставились государственной бюрократической машиной. В подобного рода обществе главной ценностью становится не стяжательство, а идейная преданность каждого отдельного человека служить и выполнять все требования, выдвигаемые этой машиной. Короче говоря, человек в этих условиях потерял свою самостоятельность и, попросту говоря, превратился в живой придаток бюрократической машины. Появилась, так сказать, весьма оригинальная новая форма человеческого отчуждения, которую нельзя отнести ни к вещиизму, ни к принудительному труду и которую можно было бы условно назвать вынужденным служением бюрократической воле.

Эта форма отчуждения имеет ряд специфических особенностей. Одна из них заключается в том, что служение бюрократической воле, хотя и является неотъемлемой ценностной ориентацией общества казарменного коммунизма, по отношению непосредственно к самому человеку выступает чем-то внешним и даже чужеродным, и потому самопроизвольно не может стать его собственной ценностью. Это означает, что для подавляющего большинства людей служение бюрократии не стало их личной потребностью и потому вылилось для них в вынужден

ную форму существования. Определяющей же ценностью отдельного индивидуума в этом обществе могли стать либо одна (например, материальное благополучие) или несколько (благополучие, карьера, престиж и т.п.) ценностей, относящихся к различным видам вещиизма, либо непосредственно духовная ценность. Одно из самых главных преимуществ России советского периода было то, что в ней отчужденное существование более или менее уживалось с духовностью. Можно сказать, что в советской России духовными ценностями жила довольно значительная часть населения, особенно среди представителей интеллигенции; в то время как на Западе людей, по-настоящему живущих ими, почти не осталось. Современный западный человек с этим свыкся настолько, что имеет весьма отдаленное представление о духовности вообще; ее, как правило, он отождествляет с религиозностью, что, в общем-то, далеко не одно и то же.

Другая особенность советского общества состояла в том, что в нем фактически отсутствовала такая форма отчуждения, как принудительный труд. Все без исключения слои общества, включая государственных служащих, являлись наемными работниками бюрократической машины, и потому здесь не было прямой эксплуатации человека человеком, а значит, не было и принудительного труда. В этом смысле труд был свободным, но вместе с тем он не был свободной деятельностью человека, ибо осуществлялся в рамках жесткого контроля со стороны бюрократической машины.

В 90-е годы прошлого столетия властные структуры России при молчаливом согласии народа стали сознательно проводить курс на установление, как об этом говорят все средства массовой информации, так называемой западной демократии. В действительности же речь идет об утверждении всеобщего господства финансового капитала в нашей стране по аналогии с тем, как он уже давно господствует в западных странах. Само собой разумеется, что по мере того, как финансовый капитал в России с молниеносной быстротой стал вступать в свои права, одновременно (и это совершенно естественно) его прислужники с усиленным рвением и беспрекословно стали навязывать российскому обществу его ценностные ориентации, главным направлением которых явилось повсеместное утверждение стя-

жательства. Но так как российские люди, по крайней мере старшее и среднее поколение, по своему личному опыту знают цену духовности, то какое-то слабое пассивное сопротивление бездуховному началу еще пока теплится в нашей стране. Однако есть опасность, что духовность может полностью исчезнуть. Встает вопрос, что необходимо сделать, чтобы этого не допустить, и в чем конкретно выражается роль философии?

Если исходить из того, что изначальной причиной бездуховности во всем современном мире, включая Россию, является всеобщее господство финансового капитала, то утверждение духовности состоит в создании активной альтернативы этому господству. Конечно, кардинальным решением этой проблемы может быть лишь смена господства финансового капитала и установление такого общества, которое основывалось бы на каких-то совершенно иных началах. Сразу же надо отметить, что человечество в своем развитии не может идти вспять, и потому было бы заблуждением предлагать какие-то старые образцы прошлых эпох. Поэтому остается либо надеяться на стихийный процесс перехода к более совершенному обществу (что, по всей вероятности, если и произойдет, то в неопределенно далеком будущем), либо на основе понимания общих принципов и знания социальных и экономических законов попытаться определить объективную тенденцию общественного развития и начертать характерные черты нового общества. Это позволило бы существенно ускорить процесс перехода от общества бездуховного к обществу духовному. Подобную теоретическую задачу и должна, по-видимому, решать собственно философия³.

Однако для утверждения духовности было бы наивным рассчитывать только на кардинальное переустройство современного общества. Наиболее реальным и вполне выполнимым видится использование всех возможных средств для достижения духовности в рамках ныне существующего социума. В этом отношении Россия, как никакая другая страна в мире, может успешно решать эту задачу, во-первых, потому, что в ней не совсем утрачены духовные традиции, и, во-вторых, исторически сложилось так, что менталитет российских людей более всего предрасположен к подлинной духовности. Но для этого необходимо, чтобы все слои российского общества были в этом за-

интересованы и по возможности проявляли активность в сохранении и упрочении духовных ценностей. В этот процесс, как нам представляется, должны, в частности, включиться политические партии, которые в свои программы могли бы внести в качестве одного из важнейших требований необходимость духовного оздоровления России. Было бы неплохо, если бы у нас в стране появились специальные общественные, а может быть даже и государственные, организации, которые на практике решали бы соответствующий комплекс задач по духовному оздоровлению российского общества. Однако для успешного решения подобных задач надо располагать четким и однозначным научным пониманием феномена духовности в противоположность, например, религиозным представлениям этого понятия, что также должно являться прерогативой философии.

Примечания

- ¹ Философы-экзистенциалисты волевой феномен обычно называют экзистенцией.
- ² О названной причине подробно говорится в моей монографии «Каким быть социализму?», изданной в г. Владивостоке в 1991 г.
- ³ Представление автора о возможном будущем обществе см.: *Арлычев А.Н.* Каким быть социализму? Владивосток, 1991. С. 93–184.